

ОБСКИЕ УГРЫ В СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Предпринята попытка проанализировать взгляды историков второй половины XIX в. на актуальные вопросы положения и роли обских угров как представителей коренных народов Сибири в процессе включения Сибири в состав Российского государства. Затронуты аспекты древней истории обских угров, политики русского государства в отношении инородцев, взаимоотношения обско-угорского и русского этносов, идеи просвещения народа.

Ключевые слова: обские угры; ханты; манси; сибирские инородцы; коренные народы Сибири.

На протяжении XIX в. история Сибири оставалась одним из важных объектов научного изучения в российской историографии. Активные процессы и события, происходящие в экономической, социальной и культурной жизни Сибири XIX в., приводили к широкому изданию фонда летописных, документальных и законодательных источников по истории края. Этот период характеризуется наличием в сибирской историографии различных течений, подходов, взглядов на процесс освоения и включения Сибири в состав Российского государства. Накопленные сибирской историографией второй половины XIX в. знания о коренных народах Сибири представляют собой не только научный интерес, но и приобретают значимость в современных политических, социально-экономических, общественных и культурных процессах взаимодействия с представителями этноса. Расширение источниковедческой базы во второй половине XIX в. послужило основой для более пристального общественного внимания к историческому опыту взаимодействия, взаимовлияния русской и сибирской цивилизации, к проблемам и исторической судьбе малочисленных народов Сибири.

В первой половине XIX в. продолжилась традиция изучения коренных народов Сибири научными экспедициями (А. Гумбольдт, 1829 г.; А.Ф. Кашеваров, 1838 г.; А. Миддендорф, 1843–1844 гг.; М.А. Кастрен, 1841–1844, 1845–1849 гг.). Роль центра активного изучения истории, лингвистики, фольклора, этнографии сибирских народов играла Российская академия наук. В 1845 г. в Санкт-Петербурге было создано Русское географическое общество, которое продолжило традицию исследования «инородческого населения» Сибири [1. С. 104]. Наряду с научным вниманием к истории Сибирского края интерес возникает и в среде сибирской интеллигенции. Вторая половина XIX в. характеризуется постановкой широких задач исследования, поворотом внимания к народоведению [2. С. 233]. В ряду общих естественнонаучных исследований Сибири, тема изучения коренных народов, их положения и включения в состав народонаселения Российского государства в трудах российских исследователей XIX в. начинает занимать одно из центральных мест. Большое поле деятельности в области изучения сибирских народов в данный период принадлежала этнографии (А.П. Шапов, П.А. Ровинский).

Как отмечал исследователь второй половины XIX в. А.Н. Пыпин, «...историческое изучение Сибири особо оживляется в последнее десятилетие XIX в.

Причина такого процесса состоит в том, что в прежние времена была возможна только одна внешняя, официальная история Сибири: теперь не только раскрывается многое, о чем прежде ходили только устные рассказы, но исследование старается проникнуть в те внутренние процессы, какие совершались в сибирской жизни под влиянием основных факторов – условий природных, племенных, бытовых и административных» [3. С. 366]. В сибирской историографии XIX в. обские угры продолжали упоминаться под названием остяков (ханты) и вогулов (манси). Исследования, посвященные изучению различных аспектов истории и жизни обских угров, представлены в контексте общих исследований сибирских народов.

Определение условий жизни обских угров, характер политики Московского государства, результаты и последствия правительственных действий, отношение самих групп инородцев к сложившимся условиям их покорения рассматривал в своем исследовании «Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве» русский историк Н.Н. Фирсов. Хронологические рамки исследования охватывают период древней истории сибирских народов до первой четверти XVII в., времени официального вхождения народов ханты и манси в состав населения Российского государства.

Внимания заслуживает позиция Н.Н. Фирсова в отношении древней истории сибирских народов. Ученый отмечал, что население Великой Перми и Югорской земли в древнейшую эпоху находилось на более высокой степени благосостояния в сравнении с тем положением, в котором его нашло Московское государство» [4. С. 27], что подтверждается археологическими открытиями. Открытие Московским государством сибирских земель в XV–XVI вв. находит народы, населяющие эти земли, не в совсем диком состоянии [Там же. С. 28]. Общественное устройство большинства сибирских народов состояло в разделении на небольшие группы, роды во главе с князьями-начальниками. Были известны и образования более крупных союзов, в том числе федераций, под руководством общего вождя. Например, в противоположность князьям простым существовал великий пермский князь, у манси русские нашли, кроме князей обыкновенных, «большого князя». Организующую и связующую роль между коленами и родами играли жрецы и святилища [4. С. 28–29]. Ханты также были разделены на роды под руководством старшины, начальника, но крепкой связи между родовыми сою-

зами не было. Отсутствие кровной связи между союзами рождало равнодушие и отсутствие взаимопомощи, что способствовало, по мнению Н.Н. Фирсова, потере независимости и подчинению захватчикам, будь то русские или сибирские цари [4. С. 38].

В отношении распространения православной веры в Сибирских землях Н.Н. Фирсов считал, что христианизация инородцев успехов не имела, язычество и мусульманство преобладали в религиозных воззрениях сибирских народов [Там же. С. 218]. Среди причин отсутствия популярности православия среди иноверцев, исследователь отмечал «нехватку достойных церковнослужителей в сибирских церквях, их бездействие в деле проповедования евангелия, поведение самих мирян, которое противоречило идеалам православия, глубокий общественно-экономический кризис, который сложился еще в эпоху Ивана Грозного» [Там же. С. 223–224, 228].

Выступая в защиту сибирских народов, исследователь отмечал, что произвол служилых людей был направлен не только против собственности, но и личной свободы, чести и жизни инородцев. Обманывать и чинить произвол позволяла не только отдаленность от центральной власти, но и отсутствие грамотности среди инородцев. Гуманные, демократические, человеколюбивые законы и указы российского правительства оставались только на бумаге [Там же. С. 232–234].

В заключительных положениях своего исследования автор делает вывод, что основной интерес Московского государства был направлен на подчинение земель инородцев и расширение границ государства. Несмотря на то что правительство старалось защитить инородцев, рос произвол со стороны служилых людей и промышленников, что усугубляло их положение. Ясачные и другие повинности оставались основной обязанностью инородцев, а их выполнение отвечало интересам российской экономики.

В своем труде «Сибирь как колония» выдающийся русский публицист, общественный деятель и ученый Н.М. Ядринцев затрагивал не только проблемы сибирской истории, вопросы присоединения и освоения Сибири русскими людьми, но и уделял внимание сибирским народам. Рассматривая в исследовании освоение Сибири русскими, можно выделить две темы, посвященные сибирским народам: тема контактов, взаимодействия с русским населением и инородческий вопрос в политике Российского государства.

Отмечая различную степень смешения русских в процессе освоения Сибири с различными народностями, основываясь на трудах путешественников Г.А. Эрмана и М.А. Кастрена, Н.М. Ядринцев отмечал, что многие ясачные ханты и манси, проживающие по рекам Иртыш и Обь, вследствие смешения с великорусскими крестьянами, первыми колонистами, совершенно обрусели и вошли в состав великорусского населения [5. С. 11]. По мнению Н.М. Ядринцева, с начала XVII в. славяно-русская народность в Западной Сибири более или менее подверглась непрерывному и продолжительному смешению с местными азиатскими племенами, особенно с манси, ханты, татарами, калмыками и киргизами [Там же. С. 13].

При определении степени влияния смешения славяно-русской народности с различными племенами Сибири Н.М. Ядринцев делил народы Сибири на две группы: наименее выгодные для смешения – низшие расы, и выгодные (индифференты) – равные и высшие. В такой классификации народов ханты и манси у исследователя занимают разные уровни развития. К наиболее низшим инородцам по типу культуры и образу жизни отнесены: ханты, самоеды, кочевые калмыки, киргизы, буряты, тунгусы, коряки, чукчи и т.д. Это низшие представители финской и монгольской расы. К более развитым Н.М. Ядринцев относил тюрков, бухарцев и сартов, татар, манси, зырян [5. С. 31]. В Обдорском и Березовском краях смешение русских колонистов с ханты, самоедами, татарами доходит до того, что русские совершенно превращаются в инородцев [Там же. С. 14]. Смешение русского населения с местными племенами ученый оценивает как негативный фактор. Это находит отражение в изменениях привычек, вкусов: русские переходят к полигамии, к инородческим воззрениям на женщину, воспринимают шаманизм и идолопоклонство, усваивают предрассудки, приметы и суеверия инородцев, изменяют одежду, переходят к образу жизни и промыслам инородцев, забывают русский язык и воспринимают инородческий [Там же. С. 44].

Рассмотрение государственной политики в определении исторической судьбы и положения коренного населения Сибири в исследовании Н.М. Ядринцева занимает одно из важных мест. По мнению исследователя, тема исследования аборигенной политики в Сибири и в XIX в. продолжала оставаться актуальной. Характер вопроса состоит в том, чтобы на «почве мирной жизни (сложившейся в Сибири к XIX в.) предстояло слагаться – иным гражданским отношениям, а русской политике изменить свои цели, зачислив инородческий элемент в число равноправных подданных» [Там же. С. 87].

Статистические исследования численности обских угров и других сибирских народов (Ю.А. Гагемейстер, К.А. Алквист, Г. Павлов, А.Ф. Миддендорф, Ф.О. Белявский) подтверждал факт положительного уменьшения численности ханты и манси [Там же. С. 90–91]. Н.М. Ядринцев разделял мнение ученых в определении причин вымирания сибирских народов: военные столкновения с русскими в период присоединения Сибири, межплеменные усобицы, различного рода эпидемии (оспа, тиф, сифилис), обеднение и упадок жизни (уменьшение угодий и промыслов, эксплуатация, голод) [Там же. С. 91–93, 95–96, 101].

Со времен завоевания Сибири, как отмечал Н.М. Ядринцев, «...правительство признавало необходимость оказывать покровительство завоеванным народам, указы твердили воеводам, чтобы они обращались “кротко” с покорившимися, и служилым людям повелевалось приказывать накрепко, чтобы они, ходя за ясаком, ясачным людям напрасных обид и налогов отнюдь никому не чинили, а собирали бы с них ясак ласкою и приветом» [Там же. С. 106–107]. К сожалению, гуманный взгляд российских правителей на гражданское положение инородцев в Сибири не

получил применения и притеснения инородцев не уменьшались [5. С. 107]. Даже положения Уложения об инородцах Сперанского 1822 г., который пытается ввести порядок в управлении инородцев, разделить их на разряды по образу жизни и дать им некоторые гарантии самоуправления, не могли осуществиться [Там же. С. 108]. Злоупотребления, безотчетные поборы, корыстные стремления, жестокие наказания, нечеловечное обхождение с инородцами государевыми людьми не позволяли навести ни малейшего порядка и справедливости в волостях и уничтожали всякие следы законности [Там же. С. 108]. Ясачные сборы мехами с инородцев стали с первого же раза, благодаря недобросовестности сборщиков, тягостью и разорением для инородца. Основная задача для правительства в устранении злоупотреблений состоит в преобразовании системы сбора ясака в денежный сбор [Там же. С. 112].

В отношении духовного просвещения и приобщения к православной вере инородцев Сибири Н.М. Ядринцев, как и исследователь Н.Н. Фирсов, считал, что действия церкви не были успешными. Причины неудач миссионерской деятельности в Сибири Ядринцев видел, во-первых, в том, что только в XVIII в. активно происходит обращение инородцев в христианство. Особая роль в процессе по крещению ханты и манси принадлежала Филофею Лещинскому, который крестил аборигенов в 1712–1714 г. Кроме того, утвердившиеся еще задолго до прихода русских в Сибирь восточные религии (мусульманство, буддизм) в среде коренного населения Сибири имели более прочное религиозное и общественное значение. В результате соперничества мы видим, что господство и преобладание не остаётся за православием; инородческие племена по своему мировоззрению более тяготели к восточным религиям, как и родством происхождения, языка и прочим, которое соединяло инородцев с магометянами-татарами и буддистами-монголами [5. С. 114].

Крещение значительного числа ханты и манси, как отмечал Н.М. Ядринцев, нисколько не укрепило их в православии. По наблюдениям многих ученых, путешественников, современников Ядринцева, ханты и манси признавались христианами номинально. «Две трети ханты, считающимися православными с первой четверти прошлого столетия, не отрешилась от языческих понятий. Иконы лежат на заднем углу или под лавкой и вынимаются в редких случаях при приезде священника» [Там же. С. 115–116].

В отношении распространения просвещения среди инородцев со стороны русской народности ничего не было сделано. Ни системы инородческих школ, ни их характер и задачи воспитания не разрабатывались в Сибири. В XIX в. началось строительство миссионерских школ. В 1847 г. при кондинской миссии у ханты было создано 9 школ с 71 учащимся. Но факт деятельности школы остался только на бумаге. В кондинское духовное училище 10 мальчиков из числа ханты были зачислены принудительно при помощи земской полиции. «Преподавание велось дурно и небрежно и в следствии мальчики не получали долж-

ного образования» [5. С. 118]. Принудительное, насильственное навязывание образования в среде инородцев вызывало отторжение, сопротивление и нежелание воспринимать «блага цивилизации» [Там же. С. 119]. Решение этого вопроса заключается в необходимости ведения просвещения среди племен инородцев на родном языке и создания учебников с переводом. Просвещение на инородческом языке и знакомство с наукой, по мысли Ядринцева, не оттолкнет образованного инородца от русского языка и национальности, но более сблизит его, так как развернувшаяся любознательность заставит его познакомиться не только с жизнью русского просвещенного мира, но и европейского. Образование инородца не должно порывать его связь со своим народом. Целью должно быть внушение любви к своему племени, его судьбе, а не стремление оттолкнуть его от прежней семьи, вырвать его и представить массе ту же нищету, несчастье и вымирание [Там же. С. 122].

В своих взглядах на инородческий вопрос и пути его решения Н.М. Ядринцев был убежден в необходимости сохранения сибирских племен, его образования. Признание гражданской и умственной жизни инородца есть не только их историческое право на общечеловеческое существование, но и исторический долг русской общественности, государства. «Разрешение этих вопросов находится в связи со многими законодательными мерами и культурными условиями, но еще более зависит от умственного развития самого русского населения в Сибири» [Там же. С. 124].

Русский генерал, исследователь, автор целого ряда работ по истории азиатской части России, в том числе и по истории Сибири, В.К. Андриевич, ссылаясь на работы Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, отмечал, что еще задолго до присоединения Сибири к России сибирские народы пермяки, манси и самоеды вели между собой торговлю. Первые попытки установить русское влияние в землях манси были связаны с военными походами (1499 г. поход в земли манси воевод князей С. Курбского и П. Ушатого) [6. С. 2]. В исследовании рассмотрены политические события, связанные с установлением власти хана Кучума в Сибири (1563 г.), поход Ермака и его дружины (1582 г.) в земли обских угров.

Появление русских людей в Сибири, как отметил В.К. Андриевич, ухудшило положение в ней инородцев. Многие факты процесса освоения сибирских земель дают основание, по мнению исследователя, считать, что сибирские инородцы к первой половине XVII в. находились в состоянии страха, вызванного действиями казаков и промышленниками, бродившими по тайге, вдоль рек [6. С. 158]. Исследователь акцентировал внимание на том, что в официальных документах начала XVII в. в обращениях к правительству сибирские народы часто жаловались на тяжелое экономическое положение, вызванное действиями промышленников. Для облегчения добычи зверя манси просили о свободной торговле железными орудиями, указывали на ущерб, который промышленники наносили звериному промыслу и лесу [7. С. 221]. Нашествие русских промышленников повлекло за

собой распространение новых болезней (сифилис, оспа) и как следствие вело к сокращению численности инородческих племен [7. С. 158].

Несправедливость и насилие сборщиков ясака вынуждало манси неоднократно обращаться к властям о приписании их тому или иному ясачному району [Там же. С. 167]. Отчаяние доводило инородцев до организации бунтов против произвола казаков. Число таких бунтов возросла в конце XVI – начале XVIII в.: в 1598 г. нарымские ханты, приведенные в отчаяние вымогательствами сургутских казаков, задумали разорить нарымский острог. Главой этого заговора был князь Басарга [Там же. С. 196]. В 1603 г. взбунтовались кетские ханты, в 1606 г. – обские, в 1607 г. сургутские ханты совместно с самоедами и манси задумали разорить город Березов, в 1608 г. восстали нарымские и кетские ханты [6. С. 196–197]. Во второй половине XVII в. российское правительство принимало административные меры по защите ясачного населения и запрещало воеводам и служилым людям обращать в холопство крещенных иноверцев, чинить вымогательства, проявлять жестокость в наказаниях. Сбор собольей казны и мягкой рухляди сопровождался кражами воевод и сборщиками ясака [Там же. С. 357].

Для сокращения вреда казны от поборов сибирских воевод российское правительство старалось увеличить срок их службы. Так, в 1695 г. было определено служить в сибирских городах не по 2 года, а по 4, 5 и 6 лет [Там же. С. 356]. Управление с помощью грабежа и притеснений толкало ясачных инородцев к уходу в другое государство (Китай), вызывало случаи убийства сборщиков ясака и доводило людей до самоубийств [8. С. 29].

Аналогично взглядам историков второй половины XIX в., современников Н.Н. Фирсова, Н.М. Ядринцева В.К. Андриевич считал, что первые попытки крещения инородцев в конце XVII в. успеха не имели, но встречались отдельные случаи принятия православия родовой знатью обских угров, князьями ханты и манси, членами их семей [Там же. С. 191]. Только с назначением Филофея Лещинского митрополитом Сибири в 1700 г. стала активно развиваться деятельность по распространению христианства среди инородцев Сибири и включения их в православную общину [Там же. С. 336].

В заключение В.К. Андриевич делал вывод, что «в начале XVIII в. Сибирь еще не могла считаться устроенной частью государства, но уже наметились те цели, которые правительство желало достигнуть. Сибирь предназначалась быть ссылочным местом и вошла в состав правительственных регалий. В силу последней её роли она подверглась научному исследованию раньше других местностей России» [Там же. С. 398].

Обобщающей работой по истории этнографии сибирских народов стал труд А.Н. Пыпина «История русской этнографии». Исследователь определил вопрос о народе, о древней истории сибирских народов актуальной темой для российского общества. Как отмечал сам автор, «... новейшая этнографическая история сибирских инородческих племен представляется

чрезвычайно запутанной. Низкая степень развития большинства из них; отсутствие памятников, которые могли бы свидетельствовать о совершившихся здесь переворотах; недостаток исследований их племени и языка в новейшее время, делали то, что в настоящее время этнографические отношения сибирских инородцев представляются нередко неясными и спорными» [3. С. 383].

Исследователь сибирских древностей Н. Попов, упомянутый в труде А.Н. Пыпина, отмечал, что Сибирь еще за несколько веков до начала нашего летоисчисления была населена разными народами и племенами. Сильнейшие из них теснили слабейших, покоряли их, истребляли или отодвигали куда-нибудь дальше на запад или на север. Некоторые из этих народов монголы, манжуры, татары – донныне продолжают крепко существовать и сохранять свои племенные черты; другие, загнанные в места суровые и неблагоприятные для жизни, хотя продолжают своё жалкое существование, но год от года становятся малочисленнее, как, например, сойоты, карагасы, койбалы, камасинцы, ханты, самоеды, якуты туруханские, чукчи и прочие, а некоторые в своих скитаниях уже давно вымерли, оставив после себя одни темные имена, как например асаны, котты, арины, омоки и др. [Там же. С. 380].

Размышляя о разных сторонах взаимоотношений русского населения и инородцев, А.Н. Пыпин, как и исследователь Н.М. Ядринцев, затрагивал тему племенного смешения народов. Отмечая в целом положительное влияние смешения европейских народов, смешение русского этноса с северо-западными инородцами Сибири, ханты, самоедами оказывало неблагоприятное влияние на русское население. Причина заключалась в нахождении инородцев в подавленном бытовом состоянии и отсутствии возможности развивать немногие культурные данные, которые еще были сохранены в их природе [Там же. С. 431].

Тему крещения обских угров в XVII–XVIII вв. рассматривал в своих исследованиях профессор Харьковского университета П.Н. Бучинский. Первые попытки миссионерской деятельности в деле распространения христианства в землях Югории, как и попытки принятия христианства представителями княжеской верхушкой обских угров, были неудачными и имели единичные случаи. Причины неудач П.Н. Бучинский находил в действиях самого русского правительства: «Преследуя экономические, материальные интересы, российское правительство на протяжении XVII в. не было заинтересовано в просвещении подданных иноверцев. Первые новокрещенные инородцы не могли служить примером для своих соплеменников» [9. С. 5–6].

Главная и неоспоримая роль шамана в религиозных воззрениях и культах инородцев служила препятствием для проникновения в мировоззрение народа православных постулатов. Русские воеводы XVII в. и даже московское правительство верили в могущество шаманов. Для последователей шаманизма шаман имел высокий общественный статус, он выступал в роли врача, жреца и предсказателя. Его

могущество и авторитет были безусловными даже при совершении грубых ошибок [9. С. 30, 31]. Духовный православный раскол в Сибири в конце XVII – начале XVIII в. также вызвал трудности в деле распространения православия среди инородцев. В обществе раскол заявил о себе как воинствующий и пропагандирующий дерзость к господствующей церкви. Не почитались православные нормы, обряды [Там же. С. 47–48]. Большое влияние на духовные, религиозные взгляды инородцев Сибири оказывала мусульманская вера [Там же. С. 49]. Сибирская светская власть была самым сильным противником в деле распространения христианской веры между сибирскими инородцами. Новокрещенцы освобождались на три года от всяких податей, кроме ясака, холопы-инородцы могли стать свободными. Легче было эксплуатировать инородца-язычника, чем инородца-христианина [Там же. С. 87–88].

По мнению П.Н. Буцинского, главная роль в деле христианизации сибирских инородцев, ханты и манси принадлежала Петру Великому и духовному деятелю Филафею Лещенскому. Российское правительство и Русская православная церковь в начале XVIII в. были едины в понимании цели и средств христианизации сибирских народов – ханты и манси. Петр I хорошо понимал, что в деле распространения православия в сибирских землях инородцев необходимо проводить проповедь только их на родном языке. Для изучения монгольского языка и христианской проповеди была организована поездка монахов к монгольскому хану Кутухт [9. С. 43, 52]. Филофей считал, что распространение и утверждение христианства между иноверцами Сибири возможны с помощью образованных и энергичных деятелей из среды сибирского духовенства.

Встречи с духовными православными посланниками, миссионерами ханты и манси воспринимали с ожесточением, недоброжелательно, часто оказывали физическое сопротивление и готовы были защитить своих идолов и жизнь, и откупом. Слово пастыря, личные качества духовного просветителя Филофея Лещенского заставляли народы ханты и манси сомневаться в могуществе своих шаманов и богов. В сообществе, населяющем юрты, с приходом миссионеров, образовался раскол на тех, кто готов был принять христианство, и тех, кто сопротивлялся этому [Там же. С. 62–64, 66, 76]. И уже последующие миссии в земли инородцев не встречали ненависти и злобы, желающих принять христианство становилось больше.

В заключение автор подвел итоги деятельности Филофея Лещинского и указал дальнейшие направления политики государства в духовном просвещении инородцев. Во время всей миссионерской деятельности Филофей крестил до 30 тысяч сибирских инородцев обоего пола и устроил для новокрещенцев около 30 церквей. Легко было крестить инородцев, но утвердить полудиких людей в новой вере было чрезвычайно трудно.

В отношении принятия инородцами новой веры автор сочинения отмечал, что не сама христианская ре-

лигия побуждала их оставлять шаманизм или мусульманство, а прежде всего материальные выгоды, сопряженные с принятием христианства (денежное и хлебное жалованье, освобождение от платежа ясака и т.д.). Но новокрещенцы из числа инородцев были христианами только по имени; не будучи подготовлены к христианству, они и после крещения оставались язычниками [10. С. 112]. Для этого требовались постоянное духовное попечение и поддержка в новой вере принявших христианство ханты и манси. Как инородцы легко крестились, также легко снова обращались к язычеству. Причина этого – отсутствие в волостях церквей, отдаленность от юрт. Борьба с языческими обычаями и нравами была самым трудным делом, только просвещение могло искоренить их, но для просвещения инородцев требовалось время [9. С. 81, 84].

В заключение можно отметить, что история обских угров как представителей сибирских народов в сибирской историографии второй половины XIX в. представлена в общих исследованиях истории Сибири и её коренного населения. В целом исторические изыскания охватывали различные аспекты прошлого и настоящего положения сибирских народов. Основным предметом в изучении истории обских угров являются анализ и описание древней истории ханты и манси, положение народа, складывающиеся в процессе завоевания Сибири с приходом русского населения, взаимодействие со славяно-русской народностью, сохранение и решение проблем вымирания, предоставление гражданских прав, развитие образования и культурного просвещения.

Обращение к прошлому, к древней истории сибирских народов (Н.Н. Фирсов, А.Н. Пыпин) дает понимание общественного устройства ханты и манси, определение роли князей и шаманов в обществе, родового строя, торговых отношений с соседями. Использование сведений археологии в исследованиях опровергает взгляд на инородцев Сибири как на полудикие народы и доказывает, что сибирские племена в XV–XVI вв. находились на более высоком уровне развития.

В процессе завоевания Сибири и включения сибирских народов в состав населения Российского государства исследователями второй половины XIX в. (Н.Н. Фирсов, Н.М. Ядринцев, В.К. Андриевич) затрагивались вопросы тяжелого экономического положения (эксплуатация, порабощение) и нарушения общечеловеческих ценностей (свобода, честь, достоинство, жизнь) обских угров. Несмотря на правительственные меры, направленные на защиту коренного населения Сибири от произвола служилых людей, они оставались номинальными и не играли своей правозащитной роли. Выделяя проблему и причины сокращения численности коренного населения, в том числе и обских угров, отсутствует позиция исследователей в определении направлений и средств в решении данного вопроса. Общей актуальной темой научных изысканий для исследователей второй половины XIX в. выступает тема просвещения сибирских народов. Политика русской администрации и Русской православной церкви в отношении ду-

ховного просвещения инородцев должна носить планомерный, мирный характер. По мнению исследователей, строительство церквей в Сибири, появление школ для инородцев, издание книг на родном языке могли способствовать борьбе с языческими верованиями и приобщением инородцев к христианским нормам и обычаям. По мнению Н.М. Ядринцева, «...вопросы о дальнейшем существовании сибирских народов, предупреждении его вымирания, экономическом, культурном, административно-политическом (гражданском) положении, духовном развитии и просвещения должны стать основными в политике Российского государства и опре-

деления той роли, которую должны сыграть народности в истории государства» [5. С. 87].

На смену понимания инородца как ясаочноплательщика и объекта эксплуатации должно прийти общественное осознание и государственное признание сибирских народов равноправными подданными и наделение их гражданскими правами. Задача трудов историков второй половины XIX в. состояла в привлечении внимания широкой общественности к экономическим и социальным проблемам коренного населения Сибири, основной причиной которых считали влияние русской колонизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецова Т.А. Представления русских об инородческом населении Сибири во второй половине XIX – начале XX века (по материалам сибирских периодических изданий Русского географического общества) // Историческое исследование в Сибири: проблемы и перспективы: сб. материалов регион. молодежной науч. конф. Новосибирск : Параллель, 2007.
2. Мирзоев В.Г. Историография Сибири. М. : Мысль, 1970 г. 252 с.
3. Пыпин А.Н. История русской этнографии. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1892. Т. 4. 448 с.
4. Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. Казань : Университетская типография, 1866. 269 с. URL: <http://www.knigafund.ru/books/119379/read#page2>, свободный (дата обращения: 08.01.2015).
5. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1882. 471 с.
6. Андриевич В.К. История Сибири. СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Ч. I. 220 с.
7. Андриевич В.К. Исторический очерк Сибири в XIX столетии (период от смерти императрицы Екатерины II до 1806 г.). СПб. : Тип. и лит. В.В. Комарова, 1889. Т. 6, ч. I. 298 с.
8. Андриевич В.К. История Сибири. СПб. : Типография и литография В.В. Комарова, 1889. Ч. II (период с 1660 года до воцарения Императрицы Елизаветы Петровны). 487 с.
9. Буцинский П. Крещение остяков и вогулов при Петре Великом. Харьков : Тип. Губернского правления, 1893. 93 с.
10. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых ее насельников : соч. : в 2 т / под ред. С.Г. Пархимовича; сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень : Изд-во Ю. Мандрики, 1999. [Приложение к журналу «Лукич»]. Т. 1. 328 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 4 сентября 2015 г.

OB-UGRIANS IN THE HISTORIOGRAPHY OF SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Tomsk State University Journal, 2015, 399, 133–139. DOI: 10.17223/15617793/399/22

Ryabkova Olesya A. Surgut State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: ksucha_surgu@mail.ru

Keywords: Ob-Ugrians; Khanty; Mansi; indigenous dwellers; indigenous dwellers of Siberia.

The article considers and analyzes works of domestic researchers, representatives of various public currents of historical thought of Siberian historiography of the second half of the 19th century devoted to research of the Ob-Ugrians, their role in the development and inclusion of Siberia into the Russian State, as well as to the determination of the official attitude to Siberian peoples. The history and position of the indigenous dwellers in Siberia prior to the beginning of the colonization policy of the Moscow State are considered by a representative of the bourgeois direction of historiography, N.N. Firsov. The administrative and patrimonial organization of the Khanty, determination of the leading role in the society of princes, shamans, identification of the reasons of failures of the Russian Orthodox Church in the Christianization of the natives are the main subjects of the research. A representative of the provincial direction, N.M. Yadrintsev, pays attention to the subject of interaction between Russian and Ugrian ethnoses. The researcher gives examples of developing relations, defines the extent of interference and further prospect of contacts. In his works, Yadrintsev touches upon the problem of acquisition of civil equality by the Siberian people, preservation of ethnoses, distribution of education among the indigenous dwellers of Siberia. Historian V.K. Andrievych, a representative of official historiography, noted the fact of negative influence of the colonization policy of the Russian State on the lives of the indigenous dwellers of Siberia. Russian development of the territories of Siberia and inclusion of the Siberian ethnoses in these processes led to the indigenous dwellers' loss of independence and their difficult economic situation. The increase in the number of armed revolts of the Ugrian people at the beginning of the 17th century was caused by the arbitrary treatment of soldiers and industrial people. A representative of conservative views on the process of colonization of Siberia, researcher P.N. Butinsky, pays attention to the subject of the Russian Orthodox Church activity in the promotion of Orthodoxy in lands occupied by the Khanty and the Mansi. A big role in the spiritual and educational mission belonged to Peter the Great and Filofey Leshchinsky. The researcher sees the reason of failures of the spread of Christianity among the peoples of Siberia in unsystematic actions of the church and the state. The works of N. Firsov, N.M. Yadrintsev, V.K. Andrievych, P.N. Butinsky and A.N. Pypin are devoted to the study of various aspects of ancient history of the Ob-Ugrians, determination of forms and nature of their contacts with the Russian ethnos, assessment of actions of the Russian government concerning the indigenous dwellers in the course of the colonization policy of Siberia. Regarding the future development of the Siberian peoples, the problem of preservation of ethnoses and the idea of education of the peoples are pointed out.

REFERENCES

1. Kuznetsova, T.A. (2007) [Representations of mixed ethnic Russian population of Siberia in the second half of the 19th – early 20th century (on materials of the Siberian periodicals of the Russian Geographical Society)]. *Istoricheskoe issledovanie v Sibiri: problemy i perspektivy* [Historical research in Siberia: problems and prospects]. Proc. of a regional youth conference. Novosibirsk: Parallel'. (In Russian).

2. Mirzoev, V.G. (1970) *Istoriografiya Sibiri* [Historiography of Siberia]. Moscow: Mysl'.
3. Pypin, A.N. (1892) *Istoriya russkoy etnografii* [History of Russian Ethnography]. V. 4. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
4. Firsov, N. (1866) *Polozhenie inorodtsev Severo-Vostochnoy Rossii v Moskovskom gosudarstve* [The position of indigenous dwellers of the North-east Russia in the Moscow state]. Kazan: Universitetskaya tipografiya. [Online]. Available from: <http://www.knigafund.ru/books/119379/read#page2>. (Accessed: 08th January 2015).
5. Yadrintsev, N.M. (1882) *Sibir' kak koloniya* [Siberia as a colony]. St. Petersburg: Tip. M.M. Stasyulevicha.
6. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Pt. I. St. Petersburg: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova.
7. Andrievich, V.K. (1889) *Istoricheskiy ocherk Sibiri v XIX stoletii (period ot smerti imperatritsy Ekateriny II do 1806 g.)* [Historical Sketch of Siberia in the 19th century (the period from the death of Empress Catherine II to 1806)]. V. 6. Pt. I. St. Petersburg: Tip. i lit. V.V. Komarova.
8. Andrievich, V.K. (1889) *Istoriya Sibiri* [History of Siberia]. Pt. II. St. Petersburg: Tipografiya i litografiya V.V. Komarova.
9. Butsinskiy, P.N. (1893) *Kreshchenie ostyakov i vogulov pri Petre Velikom* [Christianization of Ostyaks and Voguls under Peter the Great]. Kharkov: Tip. Gubernskogo pravleniya.
10. Butsinskiy, P.N. (1999) *Zaselenie Sibiri i byt pervykh ee nasel'nikov: soch. v 2 t.* [Settling of Siberia and the life of its first inhabitants: in 2 v.]. V. 1. Tyumen: Izd-vo Yu. Mandriki.

Received: 04 September 2015